

ПРОЩАНИЕ СО СПЕКТАКЛЕМ

Завтра «Пучина» будет сыграна в Театре на Малой Бронной /
в последний раз *Независимая газ. - 1996 - 22 март - С. 7.*

23 мая в Театре на Малой Бронной в последний раз играют спектакль «Пучина» — по одноименной пьесе Александра Островского и пьесе В.Дюканжа и М.Дино «Тридцать лет, или Жизнь игрока».

Далеко не каждый спектакль, сходящий с афиши театра, заслуживает прощального слова. Но это — случай особый.

Премьера «Пучины» состоялась 29 декабря 1992 года, и это была вторая, после «Короля Лира», постановка Сергея Женовача на Малой Бронной. «Пучина» стала совершенно новым, ни на что не похожим опытом. Спектакль поразил столкновением французской и русской театральной традиций, попыткой реконструкции первоначального замысла Островского, причем с помощью очень современных средств, и блистательными актерскими работами.

«Пучина» не так уж часто шла на русских подмостках. В Малом театре, например, ее играли лишь трижды — в 1866, в 1892 и в 1972 годах. Что касается мелодрамы В.Дюканжа и М.Дино «Тридцать лет, или Жизнь игрока», то эта одна из самых репертуарных пьес прошлого века в нынешнем, насколько известно, была поставлена лишь однажды. Так что в спектакле Женовача мы получили уникальную возможность вспомнить одну пьесу и открыть для себя другую. Все переводы «Жизни игрока» выглядели сегодня чуть архаичными, чуть нелепыми, чуть смешными. Евгений Калинин, один из актеров труппы, заново перевел французскую пьесу. Герои мелодрамы заговорили упругим, страстным, живым языком.

По-моему, уместно будет привести напоследок размышления Сергея Женовача, которыми он поделился со мной три года назад, когда мы разговаривали о «Пучине».

Ирина Глуценко

Сергей Женовач /

Ностальгия

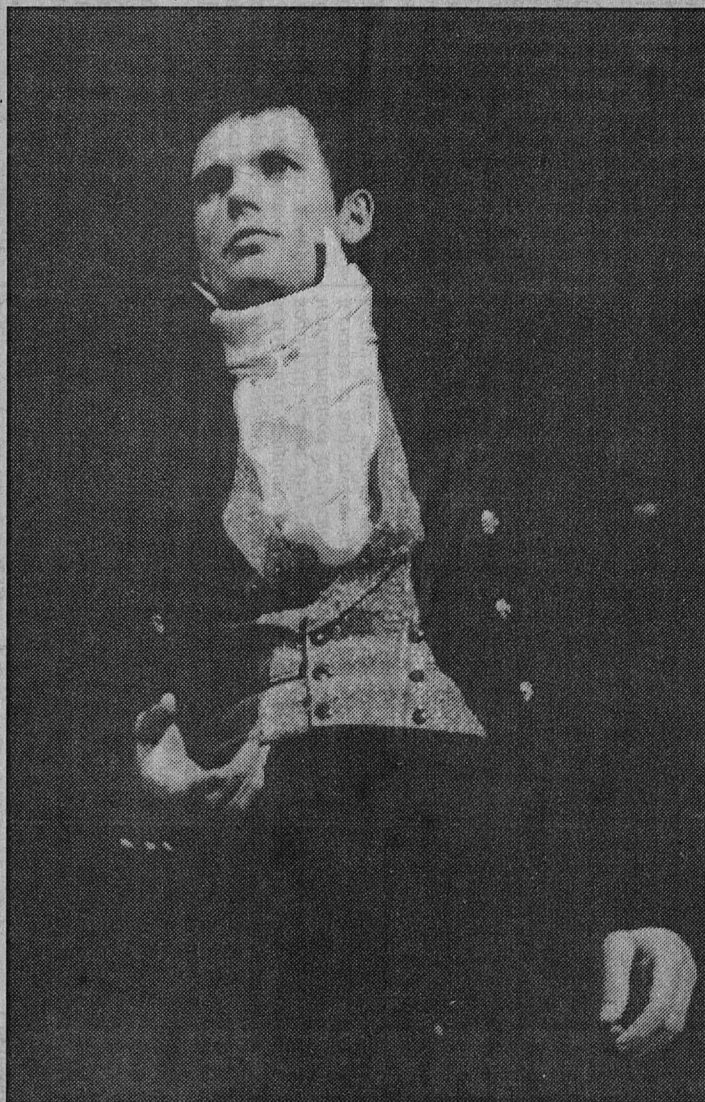
Я СТАЛ ловить себя на мысли, что очень часто думаю о «Пучине». Прочитал ее еще раз, и пьеса мне приоткрылась, я ее почувствовал, и возникло страстное желание ее делать. Одни пьесы понятны с первого, со второго прочтения. Другие каждый раз вызывают новые эмоции, поворачиваются новыми гранями. Вот такая «Пучина». Это одна из великих пьес. И я подумал: а почему бы не вернуться в «Жизнь игрока», в замечательную мелодраму, которую любил Островский, и не только Островский, — она волновала и будоражила все его поколение?

Может, «Жизнь игрока» не очень интересна с точки зрения литературы, но с точки зрения театра — это феноменальная вещь. За словами я чувствовал иную жизнь, которая странно и непредсказуемо пересекалась или спорила с миром «Пучины». И тогда я решил их соединить. Не механически, а сделать композицию, коллаж. Выходят герои Островского, они только что были в театре, где посмотрели эту мелодраму, видели игру гениального Мочалова... Студенты,

естественно, не приняли, смеются, говорят, что герои мелодрамы так глупо потратили свою жизнь; а мы — умные, талантливые, замечательные, у нас все впереди. И вот в игру, в театр, во впечатления вмешивается сама жизнь и заставляет героев пьесы Островского прожить не менее, а может еще более горькую судьбу, чем прожили персонажи мелодрамы...

Мы с художником Юрием Гальпериным хотели сохранить какой-то единый модуль для обеих пьес, но при этом нужны были совершенно противоположные пространственные решения. Дюканж требовал воздуха, чуть ли не балетных движений, чтобы персонажи разговаривали на расстоянии 10—15 метров, графичности, отсутствия бытового реквизита. Возникла белесая стена с непонятным окном, вытянутые силуэты. А мир Островского — ширмочки, стол, лавки, куча разных предметов, где уютно, люди сидят, разговаривают, поют песни... И две эти истории стали отражаться друг в друге, и каждая стала выигрывать от соседства с другой, и приобретать особую человечность, пронзительность...

Я понимал, что обрекаю зрителей на большой, длинный, утомительный спектакль, но все же мы рискнули сыграть в один вечер

Жорж де Жермани (Андрей Хворов).

две пьесы. Репетировал я оба спектакля параллельно. Неделю один — неделю другой, потом утро — вечер. То есть я в своей режиссерской голове держал одновременно два спектакля, их композиции, движение, развитие, а актеры друг друга не видели. Они играли в разные игры, в разные театры. А сошлись мы уже ближе к премьере в одном пространстве, в одной среде, на одной площадке...

Этот спектакль мне безумно дорог. Это была первая моя работа, когда я точно знал, про что она. И хотелось, чтобы «Пучина» вышла

именно сейчас, в 1992 году, в Москве, в России. Ведь именно тогда возникла эта погоня за миллионами, жажда наживы. Когда телевидение, печать стали насаждать страсть не просто к деньгам, не просто к обеспеченной жизни, а к миллионам. Поймаешь миллион, уловишь миллион любой ценой, хоть пойдешь на сделку с совестью, — будешь счастлив...

У спектакля «Пучина» сложная сценическая судьба, он нечасто идет в театре, и зрителей бывает немного. Но в итоге всегда возникает удивительное чувство: единение. Люди и плачут, и смеются.